

Н. А. Шапиро

ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ СОВРЕМЕННОМУ ШКОЛЬНИКУ ГУМАНИТАРНЫЙ КЛАСС

Аннотация

Пока «государственный заказ» на преподавание литературы и истории окончательно не сформирован, возможно, не поздно рассказать о том, какими могут быть результаты школьного гуманитарного образования, организованного учителями в соответствии с их представлениями о том, как это следует делать. Этот опыт осмыслен теми, кто в разные годы учился в гуманитарном классе 57 школы. Выпускники, ценя приобретенные в школе знания и умения, больше дорожат тем, что не имеет конкретного практического применения, – по-новому открывшейся им картиной мира и той культурной средой и традицией, которую обрели во время обучения.

Круг вопросов, обсуждаемых в последнее время педагогической общественностью, очень широк. Одна часть их связана с теми или иными решениями, которые принимают высшие инстанции и должны более или менее охотно исполнять инстанции низшие, массовые – в первую очередь школы. Это и стандарты (что изучать, какими знаниями, умениями и навыками – выражаясь по-новому, компетенциями – по предмету должен обладать каждый выпускник), и форма контроля (ЕГЭ, сочинение, изложение, устный экзамен). Другая часть – жалобы и претензии, которые предъявляют учителя властям и обществу: статус учителя низок, денег он получает мало; молодые учителя в школу не идут; интерес к чтению падает, телевизор и компьютер теснят книгу, СМИ провоцируют дальнейшую порчу языка и т. д. И все эти вопросы очень важны для учителя, для школы, для страны. А есть еще стратегический вопрос: какая модель образования нам нужна – предпринимательская или академическая. На одном из «круглых столов» РОСРО было высказано такое категоричное суждение: «Выбор, о котором идет речь, в значительной мере зависит от того, что намерено формировать государство. Какую экономику и какое общество мы будем строить – такой круг специалистов и должен быть поддержан и сформирован. От этого, в свою очередь, зависит содержание образования, т.е. образовательные стандарты и технологии»¹. Звучит очень основательно. Но кто это – государство? (Вспоминается диалог из рассказа Андрея Платонова

¹ «Круглый стол» на тему: «Конкурентоспособна ли наша школа? Международные исследования как индикатор качества школьного образования» // <http://www.businesslearning.ru/nitem.asp?id=171233>

«Государственный житель». «Кто же это такое?» – тихо спросил Леонид. – «Кто? – отвлеченно произнес Петр Евсеевич. – Я сам не знаю кто, я только его обожаю в своем помышлении, потому что я и ты – лишь население... Государство внезапно грянет и туда, а нам надо жить и терпеть»².) И какое место будет отведено гуманитарному образованию в модели, которая определяется прежде всего экономикой и запросами работодателя?

Пока «государственный заказ» на преподавание литературы и истории окончательно не сформирован, возможно, не поздно рассказать о том, какими могут быть результаты школьного гуманитарного образования, организованного учителями в соответствии с их представлениями о том, как это следует делать.

...Что же касается Вашего вопроса (если это еще актуально), то я бы сказал так: в 57-й школе нам прививали гуманитарную культуру. После рабочего дня в РГГУ хочется выразиться проще: «Учили думать своей головой». Ведь у основной массы наших студентов с этим делом очень плохо. Но такая версия, объясняя – скажем – полугодовые сочинения по литературе и «курсовые» по истории, совсем не охватывает ни латынь, ни спектакли, ни совместные поездки каждые каникулы. Так что правильнее было бы говорить именно о «гуманитарной культуре», формировании из «класса» некой интеллектуальной среды, а у каждого отдельного ученика – навыков самоопределения в подобной среде. А передача определенного корпуса знаний и выработка умения самостоятельно думать – это, конечно, тоже все было, но, как мне кажется, лишь в качестве одной из задач, решаемых на пути к значительно более масштабной цели: воспитанию культурного человека (как ни громко это прозвучит). Приблизительно так все, что Вы и Ваши коллеги делали, видится на десятилетнем удалении и с учетом некоторого сравнительного материала.

Д., преподаватель, истфил, РГГУ, выпуск 1995 г.

Это написал один из выпускников гуманитарного класса школы № 57 в ответ на мою просьбу изложить, как он понимает спустя годы смысл обучения в таком классе. С такой же просьбой я обратилась и к другим выпускникам разных лет, и, хотя ответы не были для меня неожиданностью, все-таки несколько удивило почти полное единодушие в расстановке приоритетов. Приведу еще два текста на ту же тему.

...Очень многое, конечно, зависит от личности учителя и, не в последнюю очередь от того, что он сам понимает под гуманитарным образованием, чему и как хочет научить детей.

У некоторых учителей в гумклассах 57-й школы есть, кажется, готовый ответ на этот вопрос: здесь готовят школьников к учебе

² Платонов Андрей. Государственный житель. М., 1988. С. 47.

в университетах. Не к вступительным экзаменам (они воспринимались почти что как неизбежное зло), а именно к университетской учебе: студенты учатся сами, сами готовятся к экзаменам, читают нужные книги и пишут курсовые работы – и хорошо бы готовить к этому ребят еще в школе. Но это, видимо, только часть правды. Во-первых, учеба в вузе не кажется самодовлеющей целью (став студентом, понимаешь, что три года учебы в гумклассе вряд ли можно рассматривать как простую подготовку к пяти годам в университете). А во-вторых, и в главных, здесь учат далеко не только самостоятельно и систематически учиться, готовиться к экзаменам и проводить собственные маленькие исследования, учат и более важным вещам: понимать и анализировать прочитанное, вообще стараться понять любой текст (в том числе, например, и произносимый собеседником), думать над текстами, разговаривать о них, в конце концов, общаться, дружить.

А. П., студентка ИСАА, выпуск 2002 г.

На уроках литературы и истории педагоги говорили не затверженными из учебников фразами, а рассказывали необыкновенные вещи о том, что мы или уже любили или полюбили и узнали благодаря им. Только после того, как мы занялись «Евгением Онегиным» <...>, прочитали комментарий Лотмана, поняли, как строится произведение, разобрали характеры героев и т.д., только тогда я начала понимать – нет, не само произведение! – но то, как много в нем скрыто. То же происходило и на уроках поэтики... Нас учили не просто разбирать стихотворение, но встраивать его в общий контекст эпохи, связывать с другими произведениями того же автора, нащупывать «связь времен».

Наверное, можно выделить две главные черты полученного образования. Во-первых, нас научили мыслить систематически, не бояться столкновения различных точек зрения, но сравнивать их, чтобы прийти к самостоятельным выводам. Немаловажно и то, что нас познакомили с базовыми навыками научной работы: как оформлять сочинения/курсовые, как пользоваться справочниками, составлять библиографию и т.д. Во-вторых, как это ни очевидно, мы поняли, что существует понятие культурного пространства, где все взаимосвязано; что это пространство, прежде всего, – память о прошлом. А понимание этого прошлого, ведущее к пониманию и настоящего, – это и есть задача гуманитарных наук.

Д. Х., кандидат искусствоведения, выпуск 1995 г.

Видно, что выпускники разных лет, ценя приобретенные в школе знания и умения, кажется, больше дорожат тем, что не имеет конкретного практического применения, – по-иному открывшейся им картиной мира и осознанием своего места в нем.

Гуманитарные классы (или филологические, или с углубленным изучением литературы) существуют не один десяток лет; возникали они, скорее всего, по инициативе учителей [1]. Я не занималась

историей вопроса, но очень хорошо помню, как в 1970 году проходила педагогическую практику в таком классе, их было всего два-три на всю Москву (дело было в школе № 711, литературу там преподавала Вера Романовна, учитель незаурядный и личность, как теперь говорят, харизматическая). В своем дипломе я доказывала право гуманитарных классов на существование, исходя из общегуманных и общедемократических соображений (дети разные, если есть такие, кто хочет и может заниматься литературой больше и серьезнее, то почему бы не дать им такую возможность?). Оперировала, в частности, скудной информацией, какую удалось тогда добыть, о специализации в школах США. И даже надеяться не могла на то, что всего двадцать с небольшим лет спустя сама стану преподавать литературу в гуманитарном классе. Вырабатывать идеологию гуманитарного класса мне не пришлось – она в основном уже была определена моими коллегами по 57-й школе. Школа славится математическими классами – предполагается, что и в гуманитарных нужно готовить людей, которые будут впоследствии заниматься наукой или, по крайней мере, чем-то связанным с историей или/и литературой, для чего прежде должны поступить в гуманитарный вуз. При этом подготовка в соответствующий вуз ни в коем случае не рассматривается в качестве важнейшей задачи, но и радикальный пересмотр жизненных ценностей и ориентиров тоже как будто не планируется. А между тем именно это нередко происходит с нашими учениками.

Не так давно мы с <одноклассником> говорили о том, что девятый класс в 57-й школе стал для нас некоторой точкой отсчета, как во временном, так и в культурном плане. Все, что происходило до этого времени по хронологии, отошло на второй план и как-то забылось. ...Мы привыкли видеть себя в кругу людей думающих, читающих и во многом сходно мыслящих и теперь ждем и ото всех остальных людей как минимум того же.

Впрочем, за три года изменилось не только отношение к окружающим людям, но и к самому себе; от себя мы требуем постоянной работы: сколько бы мы ни делали, нам кажется, что все мало. По крайней мере, для меня это именно так. Если в предыдущей школе я в лучшем случае делала домашние задания и могла считать, что этого более чем достаточно, то теперь, даже сделав всю обязательную работу и прочитав всю литературу по спискам, я знаю, что этого слишком мало для того, чтобы сказать нечто действительно новое...

Е. С., студентка РГГУ, выпуск 2005 г.

Разумеется, такие серьезные личностные изменения объясняются не особым учебным планом, хотя он несколько отличается от обычного (в гуманитарных классах нашей школы больше часов отводится литературе и истории, два часа в неделю отдано латинскому языку; естественно, несколько сокращено время на изучение

других предметов). Главную роль здесь играет атмосфера обучения. Она создается и школьной традицией, и усилиями учителей, но в немалой степени зависит от состава учеников. В гуманитарные классы мы набираем по конкурсу, хотя, надо сознаться, конкурс этот не слишком высок – как правило, не более двух человек на место. Кто и зачем к нам приходит? Обычно у учеников мотивация довольно слабая, часто им просто хочется учиться в хорошей школе, а в математический класс не приняли; иногда это происходит по желанию родителей, а не самих учеников. Вот как рассказывают о том, как они пришли в гумкласс, сами выпускники.

Прошло более 10 лет с тех пор, как я закончила гуманитарный класс 57-й школы. Теперь уже, пожалуй, трудно вспомнить, чего я ожидала, придя в новую школу, к новым учителям. Кажется, вопрос о том, чем гуманитарное образование отличается от негуманитарного, волновал меня в последнюю очередь.

То, что я поступил в гуманитарный спецкласс, вряд ли было осмысленным поступком с моей стороны или со стороны моих родителей. Я не стремился получать гуманитарное образование: история интересовала меня не больше, чем математика и география, а литература и языки давались мне с большим трудом.

До того, как я поступила в гуманитарный класс, я ходила на занятия вечерней гуманитарной школы. Они проходили в школе раз в неделю, история чередовалась с литературой, а наши будущие учителя – с нашими будущими студентами (впоследствии они будут читать нам дополнительные лекции, принимать у нас экзамены, ездить с нами в поездки, играть в спектаклях). Это было погружение в новую для меня среду, овладение ее языком, знакомство с традициями и обычаями школы.

Думаю, что не только я, но и многие мои одноклассники весьма приблизительно представляли, что такое гуманитарное образование, когда шли в гуманитарный класс 57-й школы. Понятно было, что это значит меньше математики с физикой и больше литературы с историей. Это вообще довольно расхожее представление...

Идея гуманитарного образования часто воспринимается родителями школьников в искаженном виде. «У моего ребенка нет особых склонностей к математике, поэтому он пойдет учиться в гуманитарный класс», – именно такой логике часто подчиняется родитель в своем решении отдать ребенка в гуманитарный класс или школу.

Отсутствие у детей четких представлений о том, что их ждет в случае поступления, нас не пугает. Им должно быть ясно одно: вопрос, надо ли учиться (читать, писать, думать), не обсуждается. За тем пришел. Не хочешь – уходи. Нам надо решить другое: сможет ли, даже если хочет.

Трудно сказать, что такое «гуманитарная» одаренность. Мы стараемся отобрать детей, которые, как нам кажется, смогут учиться тому, чему мы их хотим научить, и прежде всего пониманию текстов – научных и художественных. Предпочтение отдается тем, кто больше читал, интереснее и свободнее говорит и пишет о прочитанном, с интересом слушает, когда говорят другие, задает толковые вопросы. Разумеется, «натасканность», умение говорить гладкие фразы о литературе скорее отвращает, чем дает преимущество. Низкая орфографическая и пунктуационная грамотность не является непреодолимым препятствием при наборе – ученик сможет на дополнительных занятиях наверстать упущенное. Низкая речевая культура настораживает больше, но и ее при большом желании со стороны ученика можно поправить. Проверяем мы и уровень знаний по другим, непрофилирующим предметам – нужно, чтобы у школьника-гуманитария была достаточная база, чтобы, не отставая по математике или химии, львиную долю времени отдавать специальным занятиям.. И хотя среди выпускников-гуманитариев есть такие, кто выдержал экзамены на мехмат, биологический и психологический факультеты МГУ, в физтех, в Высшую школу экономики, все же поступление в гуманитарный класс ведет если не к отсечению, то, во всяком случае, к ограничению иных, негуманитарных возможностей. Это не всем кажется правильным:

С чем я так и не смог примириться, – это с упрощенной программой по непрофильным предметам. В итоге по окончании обучения в гуманитарном классе я решил заниматься математическим моделированием в экономической теории.

Д. Б., выпускник 1995 г.

Однако, во-первых, количество учебных часов ограничено, а во-вторых, претензии такого рода встречаются довольно редко: ученики и их родители знают, на какие потери идут.

...Надо сказать, что гуманитарный класс, помимо хорошего собственно гуманитарного образования, дал нам вполне сносное представление и о прочих науках (все-таки я сейчас могу решить задачи по предмету «Математика в мировой культуре», руководствуясь исключительно знаниями, полученными от М. Г. и Ю. П.) (учителей математики и физики. – Н. Ш.)

Е. С., студентка РГГУ, выпуск 2005 г.

Понятно, что словесникам гораздо меньше, чем математикам, удается формализовать показатели. Интуиция и опыт подводят нас не так уж часто, но обычно к выпуску гуманитарный класс приходит не в полном составе: кто-то оказался недостаточно работоспособным, чтобы выдержать довольно большую нагрузку – помимо уроков каждый день помногу читать и почти каждый день писать – создавать свои, условно говоря, исследовательские тексты; кто-то

утратил интерес за годы учения или так и не смог его приобрести. И последнее, что следует сказать о наборе: учителя сами набирают себе учеников, с которыми хотят или, во всяком случае, согласны работать; некоторая субъективность здесь неизбежна.

А дальше начинается самое трудное: внушить, убедить, заразить – сделать так, чтобы ученики ощущали, что занимаются очень важным и необходимым делом – учатся понимать, что думали, чувствовали, считали прекрасным или безобразным разные люди, жившие в разные времена и писавшие на разных языках. Чтобы ученики осознали, что гуманитарные занятия – не поле для самовыражения, а прежде всего самоограничение с целью понять другого, что надо четко различать конкретное знание, допустимую интерпретацию и произвол и искажение.

С таким отношением к делу связана серьезная психологическая проблема. Вот как ее выразил один из выпускников.

Я поступил в 9-й гуманитарный класс Московской государственной 57-й школы в 1992 году, когда мне было 13 лет, и проучился в нем до 1995 года, то есть до 16 лет. Это возраст, в котором человек особенно остро воспринимает все жизненные впечатления, как положительные, так и отрицательные. Поэтому годы учебы остались в моей памяти периодом очень напряженной внутренней интеллектуальной и эмоциональной работы. В ранней юности я, как и почти все мои сверстники, ощущал горячую потребность претворить неопределенное стремление к чему-то высокому и прекрасному в какие-нибудь конкретные поступки и свершения. И для этого требовались учителя и наставники, которые могли бы направить мои порывы в известное русло. В то время мне казалось, что такое русло может быть только одно, а открыто оно избранным. И мои учителя не только не разубеждали меня в этом, но с необычайным единодушием поддерживали во мне и моих одноклассниках такое представление. <...>

Но делалось все это так умно и исподволь, что внешне походило на некоторый даже чрезмерный демократизм, едва ли не плебейскую простоту отношений. Элита, согласно прививавшимся в школе представлениям, – это не те, кто родовитее или богаче других, а те, кто умеют наслаждаться Мандельштамом. Многие и очень многие этого не умеют. Ну что же – это просто хорошие люди, ничего в них неправильного нет. Но вот те, кто умеют это делать или, по крайней мере, по своим слабым силекам способны притвориться таковыми, – те особые, отмеченные, у них дар.

Не так желчно, но не менее отчетливо писали об этом и другие выпускники.

В РГГУ поступила половина моих одноклассников, и долгое время, пока мы регулярно появлялись в институте, все было почти как раньше.

Мы все время чувствовали свою особенность. Отличие от других, аристократизм. И это вместе с невежеством и смирением.

Мои одноклассники, редкие люди, были похожи в следующем: у всех был «комплекс неполноценности пополам с манией величия».

С одной стороны, появилось множество «паролей», определяющих «своих» людей (если человек не опознает цитаты из всеми нами в гуманитарном классе читанного и перечитанного произведения, то он явно не «наш»), но, с другой стороны, привычка сосуществования с этим кругом людей затрудняет включение в него каких бы то ни было новых.

Кажется, речь идет о снобизме, в котором часто укоряют выпускников спецшкол; но, может быть, знать, что вокруг тебя много «своих», с которыми ты ощущаешь интеллектуальное и духовное родство (а не сходство, скажем, по марке автомобиля или посещаемым курортам), совсем не так плохо для входящего в жизнь человека? И имел же право Пушкин воскликнуть, что для него и других лицеистов «целый мир – чужбина» и лишь Царское Село – «отечество»?

Может быть, именно там пришло какое-то более или менее осмысленное понимание того, что такое история, литература или философия. Мы видели, как этим всем можно заниматься. Нам рассказывали про это, мы читали, думали сами, обсуждали. Все это очень незаметно из части интересной школьной программы стало частью нашей жизни или какой-то естественной средой обитания. И все это органично составляло появляющуюся для нас на наших глазах, а на самом деле прочную и давнюю модель, что ли, правильной жизни, которую едва ли мы сможем увидеть где-то еще.

Н. Г., студентка психфака МГУ, выпуск 2005 г.

В эту модель «правильной жизни» кроме интеллектуальных занятий входит то, что называют внеклассной работой: экскурсии, спектакли, физический труд на раскопках или по восстановлению культурных памятников (мои ученики более десяти лет работали летом в Свято-Екатерининской пустыни, где прежде была Сухановская тюрьма).

Что же касается собственно школьных занятий, то организованы они так. Во всех гуманитарных классах учителя примерно придерживаются программы, предполагающей довольно широкое знакомство с зарубежной литературой, начиная с античной, и обстоятельное изучение русской литературы – от древнерусской до современной. Иными словами, преподается история литературы. Но, разумеется, бессмысленно было бы дублировать университетский курс, а с другой стороны, необходимы практические занятия по подробному анализу произведений разных эпох и разных

жанров. Выбор произведений для такого анализа остается за педагогом. Учебника литературы, вполне пригодного для наших гуманитарных классов, мы не знаем; учащиеся конспектируют лекции учителей и читают рекомендованную ими специальную литературу. При этом одни словесники настойчиво и систематически на уроках работают с литературоведческими статьями, другие опасаются, что знакомство с чужими открытиями лишает учеников возможности совершать собственные, отнимает самостоятельность в подходе к литературным произведениям, и поэтому советуют не обращаться к литературоведческим статьям при написании собственных сочинений.

Однако требования к уровню понимания произведений, к количеству и качеству необходимых знаний едины, и единство это подкрепляется и подтверждается систематически организуемыми зачетами по литературе, в которых принимают участие все словесники, работающие в гуманитарных классах.

Обычно гуманитарии не реже раза в год пишут большую работу по самостоятельно сформулированной (или выбранной из ряда предложенных) теме, так называемую курсовую. Работа может быть связана с тем, что в это время изучается на уроках, а может быть посвящена совсем другим произведениям, заинтересовавшим ученика. Так, после изучения античной литературы девятиклассники более или менее успешно писали о пьесах, созданных в XX веке на античные сюжеты, сравнивая трагедии Эсхила и Софокла с произведениями Ю. О'Нила, Ануя, Сартра, Жироду; были сравнительные работы о Плавте и Мольере, Плавте и Шекспире, о фильме «Царь Эдип» Пазолини, о цикле стихотворений Б. Лившица «Эдип», об образе Одиссея в русской поэзии, о мифе о Минотавре в произведениях Борхеса и Кортасара и т.п. Хорошо, когда процесс создания таких сочинений протекает под квалифицированным руководством; это не получается, если ученик слишком поздно берется за дело и в срок сразу представляет готовый продукт. Если же все идет в соответствии с рекомендациями, ученик успевает несколько раз на разных этапах проконсультироваться с учителем или с другими специалистами, которые привлекаются в помощь начинающим исследователям, в том числе с нашими выпускниками – студентами и аспирантами. Потом ученики обмениваются готовыми работами, читают то, что написали их товарищи.

Общение со специалистами мы считаем необходимым условием подготовки гуманитариев. Иногда с лекциями перед гуманитарными классами выступают крупнейшие ученые-литературоведы, известные критики. Иногда мы просим наших выпускников прочитать лекцию на уроке или после уроков, провести экскурсию. В результате наши ученики попадают в определенную культурную среду, видят вокруг себя много людей, для которых важно и естественно говорить и думать о литературе, истории, искусстве. Появляется возможность более точно и конкретно сделать профессиональный выбор.

В школе передо мной открылись самые разные стороны гуманитарного, точнее, просто человеческого знания, и эта открытость позволяла спокойно пробовать себя в совершенно разных областях: от лингвистики (краткое увлечение) до занятий востоковедением (влияние зороастризма на политическую историю иранских империй; более серьезное увлечение), от великолепного прикосновения к театральному искусству до попыток поступления в театральные вузы (неудачных), но через это увлечение – к дипломной работе о театральном, игровом подтексте якобы сверхдокументальных картин Дзиги Вертова.

Д. К., сотрудница Института кино, выпуск 1999 г.

Если очень по-простому, про влияние на поступление и дальнейшую профессиональную жизнь, то в школе я узнала про олимпиаду по лингвистике и математике, участвовала в ней, потом в летней лингвистической школе – и поняла, что хочу заниматься этой наукой в окружении этих людей.

О. Ш., выпускница и аспирантка
Института лингвистики РГГУ
(выпуск гумкласса 1999 г.)

У меня, казалось бы, и в средней школе не было так называемых «проблем с учебой», но именно в гуманитарном классе, на уроках литературы, истории и на других уроках, я осознал, что учиться по-настоящему интересно. Думаю, поэтому дальше мне (и всем моим одноклассникам) было легче, чем многим другим студентам: как бы ни было трудно в университете или институте, когда ты знаешь, что учиться может быть интересно, это сразу все меняет: хочется везде искать что-то интересное, и оно всегда находится.

Что касается собственно учебных знаний, то, наверное, сейчас я, выбрав в качестве специальности лингвистику, в меньшей мере, чем мог бы, использую то, что узнал в гуманитарном классе, – все-таки гуманитарные науки совсем не так близки, как может показаться из школы. Но если я пишу статью и уже собираюсь переходить к заключению, я всегда вспоминаю слова Н.А.: «Заключение не должно быть преискурантом» (то есть просто второй раз кратко излагать то, что написано в статье). И, наверное, есть много других вещей, которые я даже не осознаю, но каждый раз ими пользуюсь.

Конечно, нужно сказать и об уроках языков: если бы не уроки латыни и английского, я вряд ли бы заинтересовался лингвистикой. Честно говоря, в школе я не пытался читать научные книжки и к моменту поступления представлял себе лингвистику очень интуитивно. Но, наверное, это интуитивное представление о чем-то, что станет важно и интересно, как раз и сформировалось в гуманитарном классе и пока, похоже, меня не обманывает.

А. Л., выпускник и аспирант
Института лингвистики РГГУ
(выпуск гумкласса 1999 г.)

Гуманитарии, какими бы ни оказались в дальнейшем их профессиональные интересы, в школе приобщаются к культурной традиции, и это можно считать достаточным оправданием тех немалых усилий, которые затрачиваются на организацию гуманитарных классов. А читая, что думают выпускники о своем школьном образовании, понимаешь, что эти усилия не только оправданы, но и вознаграждены.

Вообще, часто довольно трудно четко сформулировать, почему тебе что-то кажется правильным и интересным. Мне было бы жалко представить, что из моего пути исчезла вдруг часть, связанная с гуманитарным классом, хотя живут же люди и без него. Всякое образование – это кристаллизация, постепенное выявление образа, стирание случайных черт.

Досадно, когда, заканчивая школу, человек говорит, что ненавидит литературу или историю. Выходит, что затверженный для сдачи экзаменов определенный набор фактов и концепций больше ничем не может помочь. Так вот мне кажется, что именно в гуманитарном классе с тобой еще до института, что важно, не бояться разговаривать о тех же предметах, как со взрослым, тебе говорят больше и сложнее. И вместо теории, часто безликой и однобокой, которую просто следует заучить, складывается многогранный опять-таки образ. Картинка становится выпуклой. И это всегда увлекательнее.

Интерес к свершившемуся факту (историческому), к сказанному слову (поэтическому) как к чему-то, что может ожить и образовать целый мир, о котором думают и которым, таким образом, живут люди сегодня. Особый край, «обитатели» которого испытывают наслаждение от того, что ловят брошенную кем-либо цитату. Не хочется сбиваться на пафосный тон, но это особая атмосфера, прививающая неравнодушие к культуре прошлой и настоящей, которые нельзя отсекать друг от друга, потому что в конце концов мы – крайняя точка уже сформировавшейся и еще формирующейся традиции.

Чтобы ее сохранить, нужно ее переживать – и вот здесь-то и вспоминается, говоря высокопарно, «комплексный подход»: кроме книжек и уроков, другая сторона гуманитарной медали – постановки спектаклей, поездки на каникулах и прогулки – и чтобы ты сам ногами прошел, глазами увидел, словами повторил, что на Сенной площади Раскольников, скажем, подумал то-то и то-то – и почувствовал атмосферу Петербурга Достоевского, Киева Булгакова и пр. Это как своеобразная игра, в ходе которой дети учатся понимать свою культуру, чтобы через такое образование формировать свой образ мыслей, образ жизни, вообще – свой образ.

*Д. К., студентка МГУ,
истфак, отд. искусствоведения,
выпуск 2002 г.*

Меня не покидает ощущение, будто гуманитарный класс никто не придумывал специально, будто с самого начала никто ни о чем

не договаривался, но все понимали, зачем оказались вместе. Кажется, будто все сразу знали, что так надо. Надо, чтобы были книги, очень много книг, чтобы были исписанные тетрадки толщиной с палец, чтобы о литературе и истории говорили именно так, а не иначе, чтобы за сценой в актовом зале горела одинокая лампочка и перед своим выходом было уютно, и страшно, и хорошо, чтобы в поездке перед тем, как зарыться в спальник, надо было в тоненькой книжке почитать про какой-то из завтрашних храмов. Это все – надо, хотя сразу и не совсем понятно, почему нельзя чем-то пожертвовать, что-то отменить. Но есть какое-то негласное, недекларируемое согласие относительно выбранного пути, и ничто не отменяется.

А со временем приходит понимание того, что все это – какой-то особенный взгляд на вещи, приходит понимание одной важной метаморфозы: каким-то образом оказывается, что желание читать эти книжки, а не другие – это не просто литературный вкус, что желание думать про себя и свою жизнь именно этими, а не другими словами – это не просто привычка к определенному стилю, что люди, которые рядом уже седьмой год, – это не просто школьные друзья. Оказывается, что все это – безусловная ценность и удивительный рецепт. Рецепт того, как находить вокруг важные вещи, находить смыслы, как не теряться. Год назад на выпускном вечере не моего уже гуманитарного класса Н.А. пожелала выпускникам, чтобы у них в жизни все было правильно. Так вот, гуманитарный класс – это такой ориентир. Без него надеяться, что все будет правильно, было бы сложнее.

И. С., студент МГУ,
философский ф-т, отд. политологии,
выпуск 2002 г.